

— Брось писать, идём на палубу: ночь чудная... Такая ночь, точно лето: мягкая, тёплая... Небо в тучах, и в них луна... Ну, идём же!

— Иду...

Он надел шляпу и вдвоём с ней поднялся на палубу. Там уж никого не было. Чистая палуба блестела под лучами луны, блестела вода, из мрака выходили берега, приближались и опять исчезали в волшебной дали лунной ночи.

— Сядем вот здесь... Как хорошо, правда? Смотри, вон на берегу какое-то жильё, уютно, огонёк горит, кругом лес или сад... Хотелось бы тебе вдруг перенестись туда, узнать, кто там живёт, пожить их жизнью?

— Одним словом, тебе ещё хочется сказок: какой-нибудь вечер из Шехерезады?

Она вздохнула всей грудью и ответила:

— А разве жизнь не сказка?

Они замолчали. Он потихоньку запел, а она слушала и задумчиво смотрела на луну, на воду, на даль реки.

— Ты поёшь ту песню, которую пел ровно шестнадцать лет тому назад...

— Я не понимаю!

— Шестнадцать лет тому назад... Это был канун нашей свадьбы.

— Как? Сегодня какое число?

— Двадцать первое августа, а завтра двадцать второе — день нашей свадьбы.

— Теперь помню... Такой же вечер был... Мы с тобой сидели у мамы на террасе, в нише, откуда такой прекрасный вид на море... Там в гостиной горели огни, и свет их мягко тонул во мраке, а мы сидели, смотрели на эти огни, море, и я пел, а когда кончил, то из гостиной раздалась вдруг аплодисменты.

Он помолчал и сказал:

— Как всё это недавно, кажется, было.

— Так недавно, что я, слушая тебя, и теперь не чувствую никакой разницы, никакой перемены.

— Секрет вечной молодости нашли?

— Да, я так же хочу жить, так же счастлива... Нет, нет, страшная проза, которая, как ржавчина, съедает всё, так и не коснулась нашей жизни. Был один только период, когда чуть-чуть всё не погибло.

— Ты говоришь о нашем разоренье?

— Помнишь, перед этим разореньем, как весь ты сосредоточился на приобретении богатства? Как тебя это мучило.

— Да, да. Наше разоренье, когда я думал, что конец всему... а на самом деле это и было начало настоящей жизни.

— Тебя после этого больше не интересовало богатство. Мы нашли другую цель в жизни, узнали других людей, горизонты высшей жизни, более справедливой, горизонты, куда всегда обращены взоры лучших людей всех времён, открылись и для нас...

— Открылись, да... Нас больше не душит кошмар жизни. Пусть несчастные слепые в обидном усердии путаются, коверкаются, отказываются от высших благ этой жизни, пусть их несчастья всегда будут для них только неожиданными роковыми случайностями. Придёт время, и для них или для их потомков выяснится перспектива жизни, перспектива, которая одна обеспечивает правильное отношение к жизни, где всё на своём месте, и личные радости, и горе, и даже смерть. Перспектива, где вечная молодость,

вечный свет, где год, шестнадцать лет и вся жизнь — только одно мгновение счастливого союза людей, имеющих одну цель там, за пределами узких рамок своей личной жизни, цель, которую, как самое дорогое наследство, мы передадим своим детям... важно здесь, конечно, не то, чтобы они так именно думали, как мы,— иначе это будет уже не новое поколение. Как говорит Гёте: «Vernunft wird Unsinn, Wohlthat — Plage» {Разум становится бессмыслицей, благодеяние — му́кой (нем.)}, но важно вложить в них, в наших детей, это стремление всегда смотреть вперёд...

— Через два года наша дочка уже кончает гимназию. Это лето она много читала по составленной для неё программе. Как жаль, что твои дела не позволяют тебе как раз летом жить с нами. Летом дети быстрее развиваются. Перед моим отъездом к тебе вечером съехались соседи, и доктор приехал. В деревне был один серьёзный больной, я воспользовалась случаем для консультации и пошла с доктором к больному, оттуда мы пошли к другим. Ты знаешь, что наша дочка сделала? Оказывается, во-первых, везде, где есть грудные дети, ввела стеклянные рожки; каждый день ходит и проверяет, держатся ли запасные в чистой воде; купила им стаканы для этого. В школе устроила ни больше, ни меньше, как ясли: всех грудных детей, на весь день во время работ, матери оставляют там под наблюдением одной дежурной. И я обо всём этом узнала тогда, когда с доктором пошла... Когда мы возвратились, за чаем доктор говорит: «Господа, одной из присутствующих здесь я должен принести, как земский врач, мою большую благодарность».

— Что ж наша дочка?

— Знаешь её? Немного рассеянная, немного задумчивая — она и не расслышала сперва, а когда уже её назвали, она вспыхнула и говорит самым пренебрежительным голосом: «Глупости какие!» И в то же время она совсем не педантка: мягкая, весёлая, любящая, когда никого нет, развернётся, хохочет, как самый счастливый ребёнок, а при чужих сейчас всё на замочек и сидит...

— В маму? Что ж, на будущий год, если у нас ещё не будет женских медицинских курсов,— едет в Париж?

— Едет.

— Не боится?

— Это её уже желанье... У неё уже есть сознание, что женщина без высшего образования не может быть разумной руководительницей своей семьи, и к тому же они у нас совершенно самостоятельны... американцы... Володе десять лет, а он уж экспедиции верхом совершает за пятьдесят вёрст... Вот огонь!.. Ты знаешь, что он сделал? Нанялся с мальчишками к Михаилу Александровичу подсолнухи молотить и стачку устроил. Теперь уже все молотят с пуда и вдвое зарабатывают... Всё его интересует,— то обнявшись едет с крестьянином на его телеге и очень серьёзно о чём-то с ним толкует, то с мальчишками куда-нибудь на целый день уйдёт... Заблудились раз в медвежьем лесу: целый день проходили. Приходит раз ко мне: «Мама, вы всё Маркс да Маркс, это умное слово?» — «Очень, говорю, умное». — «Когда я, наконец, буду все умные слова понимать?» А недавно приходит, становится передо мной в позицию и важно говорит: «Тезис я признаю, синтезис — признаю, а антитезис не признаю и терпе-е-еть не могу». — «Откуда это ты?» — спрашиваю. «Это дядя Вася говорит, а Михаил Александрович хохот-о-очет... Мама, отчего Михаил Александрович хохочет?»

— Ты не боишься за преждевременное напряжение способностей?

— В чём же напряжение? Только страховка против тупого самодовольства: я всё знаю, всё понял, всё постиг... Только сознание, что каждый день надо плыть дальше и дальше, и с каждым днём эта даль развёртывает всё новые и новые горизонты, выясняет новые точки приложения.

Разговор оборвался. Пароход мерно шумел. В ночной панораме лунной ночи всё новые и новые берега выдвигались навстречу и уходили тихо, беззвучно назад.

Он посмотрел на часы.

— Двенадцать часов, однако... День нашей свадьбы начался... Шестнадцать лет назад... Хороших шестнадцать лет. Правда?